

⁵⁰ Супинский А.К. Государственный Этнографический музей // Советская этнография. – 1934. – № 3. – С. 105.

⁵¹ Постановление Наркомпроса о реорганизации Русского музея... Указ. соч. Л. 9, 9 об.

⁵² Отчет о работе Гос[ударственного] Этнографического музея в 1934 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 269. Л. 121.

⁵³ Там же. – Оп. 3. Д. 636. Л. 25.

⁵⁴ Российский этнографический музей. 1902–2002. Указ. соч. – С. 4.

⁵⁵ Люди и судьбы. Биографический указатель востоковедов-жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Сост. Я.В. Васильков. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

Интернетресурс <http://pvost.org/publ/vneser/vassil.html>. Дата входа 13 июня 2014 г.

⁵⁶ Объяснительная записка к отчету музея о работе в течение Первой пятилетки. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 430 С. 17.

⁵⁷ Супинский А.К. Указ. соч. – С. 105, 106.

⁵⁸ Отчетные сведения о работе этнографического отдела музея в 1932 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 410. Л. 5.

⁵⁹ Кондауров А. Реэкспозиция отдела Передней и Средней Азии в музее антропологии и этнографии // Советская этнография. – 1934. – № 4. – С. 123, 124.

⁶⁰ Отчетные сведения о работе этнографического отдела музея в 1935 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 269. Л. 129–147.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. – Л. 148–155.

⁶³ Там же. – Л. 156–168.

⁶⁴ Супинский А.К. (?) Доклад о положении в этнографической науке с обзором экспозиционной деятельности этнографического музея. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 566. Л. 22.

⁶⁵ Заключение комиссии по переводу Государственного музея этнографии в другое здание от 1 октября 1935 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 502. Л. 1, 1 об.

⁶⁶ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 32. Л. 6–14; Чагишева В.И. Творческий путь Н.П. Гринковой // Учен. зап. ЛГПИ. – Л., 1963. – Т. 24; Алымов С.С. Три этюда о «марризме» в советской этнографии // Советская этнография. – 2008. – № 6. – С. 79–84; Российский этнографический музей. 1902–2002. Указ. соч. – С. 71.

⁶⁷ Дьяконова В.П., Решетов А.М. О Леониде Павловиче Потапове // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 2. – С. 25–131.

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ

УДК 398

Аксиология богатства в русской крестьянской общине конца XIX в. (по материалам Бюро князя В.Н. Тенишева)

АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ ОСТРОВСКИЙ

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Доктор исторических наук, научный сотрудник музея главной категории

e-mail: ost-alex@yandex.ru

Материалы опроса, проводившегося Бюро князя В.Н. Тенишева в конце 1890-х гг., дают возможность узнать о ценностных ориентирах крестьян Европейской России относительно обретения богатства, его предпочитаемых формах и конкретных чертах одобряемого либо порицаемого обществом поведения зажиточного человека. В статье рассматриваются опубликованные к настоящему времени результаты опроса по 11 губерниям – преимущественно, ответы на вопросы № 387 – Экономическое положение крестьянской семьи, а также № 106 – Стремление крестьян возвысить свое общественное положение и № 107 – Личные отношения крестьян. Анализ мнений сельских жителей позволяет выявить определенные тенденции, сформировавшиеся к концу XIX века: в этот период наряду с аксиологическим преобладанием такой формы богатства, как деньги, не меньшую ценность имели и традиционные формы достатка – владение хорошими постройками, скотом. По отношению разбогатевшему крестьянину проявлялись особые этикетные формы уважения, подлинного либо мнимого.

Ключевые слова: крестьянская община, аксиология богатства, формы богатства, крестьянский этикет, формы уважения.

UDC 398

Axiology of Wealth in the Russian Peasant Community in the Late Nineteenth Century (Following the Materials of the Bureau of Prince V.N. Tenishev)

ALEKSANDR B. OSTROVSKII, D.Sc. (Ethnology)

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg

Leading researcher

e-mail: ost-alex@yandex.ru

The survey conducted by the Bureau of V.N. Tenishev in the late 1890s gives the opportunity to learn about value orientations of the peasants of European Russia on gaining wealth, its preferred forms and specific terms approved or censured by society of the behavior of a wealthy person. The article discusses the results of a survey conducted in 11 provinces published to date, by focusing on the answers to questions No. 387 “Economic situation of the peasant families”, No. 106 “The Desire of the peasants to elevate their social position” and No. 107 “Personal relations of the peasants”. The analysis of the rural residents’ opinions allows us to identify certain trends that emerged by the end of the 19th century. During this period, along with the axiological prevalence of such form of wealth as money, no less importance was attached to the traditional forms of wealth – the possession of good buildings and cattle. Special etiquette forms of respect, real or false, were established based on the behavior of wealthy farmers.

Key words: peasant community, axiology of wealth, forms of wealth, peasant etiquette, forms of respect.

Историками уделено немало внимания проблематике социального расслоения в русской деревне в пореформенный период, однако внутренняя субъективная сторона этого процесса остается все еще едва раскрытой. Отчасти это компенсируется литературными произведениями бытописательского характера, в которых в определенной мере отражены ценностные представления крестьян о богатых и бедных, в том числе о конкретных, соответствующих этому поведенческих моделях общения и, наконец, о том, каковы последствия имущественного размежевания для социальной жизни общины.

Так, в произведениях конца XIX – начала XX в. встречается понятие «мироеды», речь идет о тех крестьянах, которые наживаются на чужой бедности и обнищании, держат в экономической и нравственной зависимости многих других членов общины, но вместе с тем оказываются необходимыми для ее выживания. В очерке А.А. Потехина «Деревенские мироеды», впервые опубликованном в 1880 г., посвященном быту «одной из северных губерний средней полосы России», говорится, что среди обнищавшего населения «неизбежно должны были явиться и те счастливые, которые занимают в деревне особое положение, служат экономическим центром целого сельского общества, а иногда и целой волости, которым кланяются и выражают в глаза почтение и благодарность, хоть за глаза нередко бранят и проклинают, которых народ называет и благодетелями, и кровопийцами, на которых смотрит как на неизбежное, почти законное зло, как на результат, но не как на причину своей бедности, которых считает скорее полезными, чем вредными для себя людьми <...> Мироеды бывают разные. Есть такие, которые искренно, непритворно считают себя благодетелями своих односельчан, которые смотрят на свое дело как на христианский подвиг любви к ближнему; есть и такие, которые принимаются за ростовничество сознательно, как за самый выгодный промысел...»¹.

Психологические и нравственные аспекты социального расслоения еще более представлены Г.И. Успенским: «Мироед ест мир тем, что норовит его нравственно напугать, придавить. Ему мало того, чтобы на него работали за долг, мало запутать человека из-за нужды и нажиться его трудами: он еще желает держать в руках совесть деревенского человека <...> Мироед – это самозванный судья, грозный отец деревни (такова его цель), беспощадный каратель всякого дурного поступка <...> Мироед – мастер стыдить, усоветовать, обличать; он постоянно стоит горой за мир, за мирской интерес, за боже-

скую правду и этим приемом затыкает миру рот. Всякий, на кого обрушился его гнев, нарушил именно мирской интерес и божескую правду...»².

Материалы опроса, проводившегося Бюро кн. В.Н. Тенишева среди русского сельского населения в конце 1890-х гг., дают возможность более конкретно и в различных локальных вариантах узнать о ценностных ориентирах крестьян европейской части России относительно обретения богатства, его предпочитаемых формах и одобряемого либо порицаемого обществом поведения богатого (зажиточного) человека. Этот аспект ценностных и нормативных представлений, сформировавшихся в пореформенной России за более чем тридцать лет, был сравнительно новым, однако – и в этом можно согласиться с процитированными писателями – в условиях еще не разрушенных общинных отношений он с необходимостью выражал не только экономические категории, утвердившиеся в повседневности, но также их связь с категориями общинными – этическими, социально-психологическими. Можно предположить, что новые ценностные ориентиры и нормы оказывались не привнесенными извне либо адаптированными, а сформировавшимися органично при происходящих социально-экономических изменениях, в силу чего высвечивавшими эволюцию взаимодействия русского крестьянского социума и личности.

О последней проблеме, возникшей в силу того, что сельская община в исторически короткие сроки переставала быть однородной, вскользь упомянуто в работе Б.Н. Миронова: «Долгое время существовавшая монополия сельской общины на формирование личности приводила к тому, что общинные ценности твердо усваивались крестьянами и становились их персональными ориентациями в жизни», отсюда – «однородность крестьян, их похожесть друг на друга с точки зрения ментальности, образа жизни и поведения»³. Феноменология конкретных первых ростков личностной неоднородности крестьян явственно предстает при обращении к результатам этносоциологического изучения 1890-х гг. (оставшегося в этом отношении еще не востребованным).

Нами был привлечен опубликованный в начале XXI в. Российским этнографическим музеем (РЭМ) материал по 11 губерниям (всего опрос, проведенный Бюро, охватывал 23 губернии). Для разработки обозначенной выше темы представлялось возможным, опираясь на результаты опроса 1890-х гг., решить следующие две задачи, обе описательного характера: 1) очертить, каким было у крестьян различных губерний содержательное наполнение категорий

«богатые» и «бедные» и какие формы богатства были для них наиболее предпочитаемыми; 2) была ли связь между разбогатением и социально-психологическим возвышением в сельском социуме и если да, то каковы формы уважения, почтения, проявляемые по отношению к богатому – в общении, в продвижении его на выборную должность. Для решения этих задач учитывалась вся информация, где встречались упоминания о богатых и бедных; она оказалась сосредоточенной, главным образом, в ответах на вопросы № 387 «Экономическое положение крестьянской семьи», а также №№ 106 и 107 – «Стремление крестьян возвысить свое общественное положение» и «Личные отношения крестьян».

Наиболее развернутые и отчетливые ответы респондентов (они же по социологической терминологии и эксперты, поскольку характеризовали не столько собственные предпочтения, сколько ценности и нормы среды) по экономическому положению семьи были получены в Костромской, Вологодской и Новгородской губ. Респонденты выделяют две (в Вологодской) либо три (в Костромской, Новгородской губ.) категории крестьян по их имущественному положению и дают для каждой категории конкретную характеристику наиболее значимых, с точки зрения населения их волости или уезда, компонентов – собственности и обстановки жилища, образа жизни семьи.

В Костромской губ., Солигаличском у. выделяли категории: бедные, среднего достатка, богатые; преобладали крестьяне со средним достатком. У многих семей, относимых к этой категории, имелось по две лошади, по три-четыре коровы, в хорошем состоянии постройки – жилой дом, овин, амбар или клеть; и общалось, что такие семьи обеспечены «своими хлебами большую часть года, подати уплачивают исправно, имеют по две перемены одежды – праздничную и будничную – и нет долгов»⁴. Именно эти экономические аспекты жизни семьи, конкретизированные количественно, – обладание собственностью, податная способность и устойчивый уровень потребления, включая обстановку в доме и пищу, – оказывались существенными также и для категориального разделения, сложившегося в других губерниях.

В Демянском у. Новгородской губ. «крестьяне делят себя на 3 разряда: бедных, или скудных, зажиточных («степенных») и богатых. Я не раз слышал выражение: «Он не то, что из богатей, а так – зажиточный, степенный». Скудным состоянием считают, когда у крестьянина только 1 изба, двор плох, скота не более 1 лошади и 1 коровы, 1–2 овцы, иногда 1–2 свиньи. <...>

Платье старо, выношено и почти одно и в будень, и в праздник, а если и «сбиваются» на хорошее «платеньшко», напр., новый полушубок, то его по надобности одевают все: хозяин, жена, сын, дочь. Обувь зимою и летом – лапти, валенки и редко кожаные сапоги и башмаки. Прокормиться семья своими запасами обыкновенно не может, и хозяин, а чаще сын, дочь принуждены бывают отправиться на заработки в города, преимущественно в Петербург, на заводы, фабрики, или же в работники и работницы к зажиточным крестьянам, а также в поденщики и поденщицы <...> Зажиточными, «степенными» считаются крестьяне, имеющие хорошую постройку: 2 избы, двор, 1–2 хлева, амбар, больше называемый «клетью», и сравнительно много скота: 2–4 лошади, 3–5 коров, 4–6 подростков, 3–5 овец, иногда 2–3 свиньи. Душевой надел земли зажиточного крестьянина обыкновенно довольно значителен: засевают от 20 до 30 мер ржи и от 50 до 70 мер овса. Случается, что эти семьи имеют и собственную покупную землю. Не хватает запасов у такой семьи разве только в неурожайные годы. Одета семья хорошо: у мужчин имеются свежие полушубки, нагольные и крытые нередко сукном, «тулупы» зимою, летом – пальто, пиджаки, у парней – карманные часы с длинными серебряными цепочками, кожаные сапоги с бураками, у женщин – пальто, несколько ситцевых платьев, 1–2 шерстяных или шелковых, жемчужные серьги, косынка. Богатыми, а чаще «богачами» слывут такие же зажиточные крестьяне, но которые имеют еще «лежалые» деньги. «Богачи» нередко дают из «лежалых» беднякам на «справку» за проценты, а чаще уговором за ссуду – поработать несколько дней. У богатей и внутреннее убранство избы бывает еще получше; встречаются избы, оклеенные обоями, оштукатуренные...»⁵.

Весьма близкое описание «трех категорий» крестьян – бедных, «со средним достатком» и богатых – дал респондент из Череповецкого у. (той же губернии): в отличие от бедняка, у крестьян со средним достатком и богатого имеется не одна, а две избы, летняя и зимняя, больше земли и скота, хватает денег на подати, «хлеба хватает на целый год и даже с избытком», одежда хорошая, даже весной в состоянии покупать для своей семьи мясо и рыбу; богатый крестьянин и его семья нанимают работника, а в сенокос еще и поденщиков⁶.

Респондент из Тотемского у. Вологодской губ. противопоставляет два типа хозяйства – бедное и богатое, или «зажиточное»: первое характеризует, используя оборот «веретном трясти», а второе – «полная чаша»⁷. Аспекты сопоставления – все те же, что в уже упоминавшихся губер-

ниях; к этому добавляется, в числе преимуществ богатого хозяйства, разнообразие и «изобилие домашней утвари и посуды», пищевых продуктов и то, что «праздники справляют часто, заывая всю родню, «богатых» знакомых и духовенство»⁸.

В других разделах опросника, впрямую не связанных с имущественным положением семьи, все же по инициативе самих респондентов ведется речь о двух различных вариантах того или иного явления культуры – для богатых и бедных. Это относится и к таким ситуациям, которые требуют материальных затрат, и к таким, где специальных материальных вложений не требуется, но сказывается своеобразный авторитет личности, проистекающий из обладания богатством. К ситуациям первого типа можно отнести, например, организацию крещения младенца и крестин, а также помочей. Так, «крещение совершается у бедных – в храме, а у достаточных – на дому, у таких бывают на крестинах и гости, причем ближние родные и восприемники. Восприемников у новорожденного бывает и двое (у богатых), и один»⁹ (Костромская губ.). В ситуации помочей различна мотивация как у их организаторов – богатых или бедных, так и участников: «Из крестьян чаще других устраивают помочи богатые мужики <...>. Для богатого кончить свою работу помочью очень выгодно – во-первых, это стоит значительно дешевле найма, а во-вторых, выгоднее и для самого дела <...>. Бедные крестьяне созывают соседей только в тех случаях, когда сами окончить работу не в силах, а нанять рабочих не в состоянии <...>. Крестьяне идут помогать бедному из жалости, а богатому – за выгон скота на его землю, за занятый у него хлеб или деньги, а иные – из-за угощения» (сведения из той же губернии)¹⁰. Таким образом, в традиционные для сельского быта формы общения – участие в крестинах, помочах – проникает фактор имущественного размежевания, приводя к двум различным вариантам поведенческих форм.

В ответах на вопрос № 108 о том, как проходят сельские сходы, у многих респондентов отмечено большее влияние богатых крестьян. Так, в Корчевском у. Тверской губ. «решающее значение, как замечается, принадлежит наиболее зажиточным крестьянам»¹¹. Чаще отмечается, что на сходах различного уровня определяющую роль играют два качества участников: красноречие и имущественная состоятельность: «Перевес на сходах обыкновенно берут люди богатые, если они совсем не потеряли уважения, и люди с широкою глоткою» (Новгородская губ., Тихвинский у.)¹². Об этом же сказано респондентами

из Костромской, Ярославской, Калужской и Вологодской губ.

Различие в формах поведения между крестьянами со средним достатком и богатыми отмечено и в их отношении к батракам. В семьях среднего достатка хозяин может и трудиться, и есть за одним столом с батраками, известны и случаи, когда наемный работник сходится с дочерью хозяев и женится на ней, но «совершенно иное мы видим в семьях крестьян богатых <...>. Если хозяин и идет поработать с работником, то только как «побаловаться», а главное – для того, чтобы посмотреть за работником. Хозяйка здесь не сядут обедать вместе с работниками, для них готовится отдельный обед и ужин, нечего и говорить, что этот обед и ужин бывает далеко похуже хозяйского. Об интимностях между хозяевами и работниками в таких семьях, конечно, не может быть и речи» (Ярославская губ., Пошехонский у.)¹³.

До сих пор речь шла о том, что именно подразумевается крестьянами под богатством, состоятельностью. Весьма важна и внутренняя аксиологическая характеристика богатства: каковы его предпочитаемые формы в той или иной местности, в какой мере достижение богатства становится личностной ориентацией. Относительно предпочитаемых форм богатства суждения весьма разнятся, демонстрируя, на наш взгляд, не столько регионально-локальные различия, сколько возможность сосуществования новых и традиционных ценностных ориентиров либо доминирование одного из этих типов.

Нередко о роли богатства и отношении к разбогатению говорится как раз в ответах на вопросы о стремлении крестьян к повышению своего психологического статуса в общине – в ответах на вопросы №№ 106, 107. Всего по 11 губерниям в связи с этими вопросами присутствуют 36 ответов, в которых фигурирует изучаемая тематика, в том числе 19 – совокупно по двум губерниям, Вологодской и Новгородской. Если по этим двум губерниям рассматриваемые результаты можно считать, с долей условности, репрезентативными в количественном отношении, то по остальным территориям и в целом они имеют значимость т.н. качественного исследования, способны высветить некоторые определяющие моменты в искомым представлениях крестьян.

Приводим противоположные суждения: «Все богатство наш мужичок почитает в деньгах. Денег много – значит, ты богат» (Костромская губ.)¹⁴; «Крестьянин гордится главным образом своим богатством: домом, хлебом, одеждой» (Тверская губ.)¹⁵. Респонденты признают, что

в отношении гордостью собой богатство может и отступать, в зависимости от возрастной группы: «Молодые более гордятся своей физической силой, а пожилые своей зажиточностью» (Вологодская губ.)¹⁶; «Гордится крестьянин главным образом нарядной одеждой», молодежь в нарядной одежде «ведет себя более высокомерно» (Новгородская губ.)¹⁷.

Хотя нет специальных вопросов о том, каковы предпочитаемые формы богатства, эта ценностная ориентация подвергается раскрытию, конкретизации по инициативе самих респондентов. Из числа традиционных для крестьянства ценностей наиболее надежной формой богатства некоторыми признаются «земля и постройки» (Ярославская губ.)¹⁸; «Деньги – все! Но если при этом плохая постройка, то не пользуется почетом» (Вологодская губ.)¹⁹. Ценится богатство высоко, если оно представлено в овеществленных формах: «Предпочитают богатство в деньгах; но не любят, если кто «жмется» с деньгами: «Что в богатстве, если его ни в чем

не видать»» (Новгородская губ.)²⁰. Респондент из Калужской губ., отмечая, что к зажиточным (считая это качеством свидетельством хозяйственной распорядительности) относятся с уважением, так ранжирует формы богатства у того меньшинства, которое к богатству стремится: «Более всего богатство предпочитается в деньгах и земле, менее – в постройках, скотине; мало ценится богатство, состоящее из утвари, одежды и т.п.»²¹.

Используя это трехчленное деление: деньги – недвижимая собственность – предметы для благоустройства быта, для праздничного гуляния и приема гостей – покажем, как суммарно по 11-ти губерниям распределяются аксиологические оценки этих благ. Посредством контент-анализа выявим, во-первых, что именно ставят крестьяне на первое место (к чему стремятся более всего, по мнению респондентов-экспертов Бюро); во-вторых, чем именно гордятся более всего. Число выборов распределилось следующим образом:

Табл. 1. Аксиологические предпочтения материальных благ у русских крестьян в конце XIX в.

	Накопленные деньги	Постройки (хозяйственные, жилые)	Земля	Скот	Нарядная одежда; утварь, пища
Главный предмет устремлений	15	13	10	7	8
Главный предмет гордости	9	7	8	5	2

Итак, деньги и недвижимость, т.е. земля и постройки (во многих из 11-ти губерний эти ценности весьма сближены) заметно лидируют и в качестве предмета материальных устремлений, и в качестве предмета гордости. Интересно, что предметы, не определяющие возможность накопления, а лишь служащие благоустройству и знаковому выражению богатства (последний столбец справа), могут весьма цениться, но не они определяют главное условие обретения общественного признания.

Во многих губерниях полагают, что богатство, в особенности обретенное самим крестьянином (не унаследованное), – это путь к снисканию уважения, различных форм признания: «Зажиточные крестьяне свободнее ведут себя в суждениях, давая почувствовать бедным, что они нажили состояние благодаря уму и знанию хозяйства. Бедные сознают или верят этому, прислушиваются к богатым и уступают последним в разговорах больше, чем лицам одинакового состояния»²²; «Богатого все уважают и почи-

тают, а умрет он – и на том свете ему лучшее место»²³ (Новгородская губ.). В других губерниях – аналогичная связь между устремлением к богатству и желанием обрести уважение: «Зажиточный крестьянин гордится против бедного и среднего» (Костромская губ.)²⁴; наравне с физической силой и знаниями уважением пользуется «ум, который должен <...> выражаться, главным образом, в умении наживать деньги, в умении приобретать» (Ярославская губ.)²⁵; «Главная гордость крестьянина – его достаток» (Калужская губ.)²⁶; «Крестьянин уважение приобретает богатством» (Нижегородская губ.)²⁷. Не только уважение, но и слава приходит с богатством: «Всю свою славу крестьянин полагает в богатстве, т.е. у кого много хлеба, денег и дом хороший. Дети таких родителей называются славунами и славниками. Если к этому богатству присоединяется еще и честное имя (честь в том, что мужик ни у кого ничего не украл или никого не ограбил), то мужик и семейство его “на почете” и “на славе”. А мужик и семейство гордится этим» (Вологодская губ.)²⁸.

При этом различают подлинное и напускное уважение. Наиболее отчетливо требования к личности, обретшей богатство, чтобы оно могло стать основанием подлинного уважения, выражены респондентом из Новгородской губ.: право на «гордость своим состоянием» народ признает, лишь когда «принимаются во внимание три обстоятельства: а) сам ли нажил богатство или получил наследственным путем; б) как пользуется богатством и в) как ведет себя с соседями, односельчанами»²⁹. Собственно богатство, если зажиточный человек никак не благодетельствует своим односельчанам, способно вызвать зависть и недоброжелательное отношение (Вологодская губ.)³⁰. Гордость своим богатством, если богатый отказывается помочь своим попавшим в беду односельчанам, вызывает в обществе враждебное к нему отношение (Вологодская, Новгородская губ.)³¹. Не уважают тех, кто приобрел богатство нечестным путем (Тверская, Новгородская губ.)³².

Способы проявления уважения по отношению к богатым односельчанам, подлинного либо мнимого, составляют своеобразный этикет, схожий во многих местностях. В основании его лежит вполне конкретная идея о возникновении материальной зависимости от более зажиточного члена общины: «Не уважь богача, ну он и не даст ничего тебе не только в долг, но и за деньги. Некоторые в праздник водят к себе в гости богатых мужиков, угощают их как дорогих гостей, чтобы польстить им» (Вологодская губ.)³³. Во-первых, богатому родственнику или соседу, зашедшему в праздничный день в гости, оказывается особое почтение: «...на

богатом родственнике сосредоточено все внимание хозяев, сажают его под передний угол, первым угощают» (Тверская губ.)³⁴; «Разбогатевший мужик, если и позволяет себе быть в гостях у простого мужика <...>, то непременно в качестве почетного гостя, чтобы сидеть в переднем углу и пить и есть лучшее; иначе ему гордость не позволяет» (Новгородская губ.)³⁵. Иначе говоря, перед разбогатевшим родственником, односельчанином заискивают, ему угождают.

Во-вторых, имущественное размежевание сказывается и на форме обращения: «Богатых, зажиточных мужиков в глаза зовут по имени и отчеству, позаглазно по имени и фамилии: Иван Уткин, Игнатий Павловцев. Средних, степенных в глаза зовут просто Иван, Игнатий. Бедняков, особенно «непутевых» позаглазно всегда уничижительными именами – Сенька, Ванька, а в глаза уменьшительными: Сенюха, Ванюха» (Новгородская губ.)³⁶. И в Вологодской губ., отмечено респондентом, богатые редко обращаются к бедным по имени и отчеству³⁷; при встрече богатый «бедному не подает руки» (Нижегородская губ.)³⁸. Особенно надменно держится богатый мужик относительно своего должника: «...при встрече на низкий поклон едва кивает головой, руки не подает, называя его полуименем – Серега, Андрейко, Олеха» (Новгородская губ.)³⁹. И так, богатые и бедные обращаются друг к другу не на равных: бедные – подобострастно, а богатые – с пренебрежением.

В-третьих, богатые стремятся к образованию обособленного сообщества: «...богатые заискивают знакомства и дружбу только с богатыми» (Вологодская губ.)⁴⁰.

С богатым не только больше считаются на сельском сходе, для него также открываются большие возможности занять почетную общественную должность – церковного старосты, волостного старшины. Кроме используемого социально-психологического авторитета, богатые для получения общественной должности прибегают к подкупу: «еще за полгода до выбора старшины мужик, желающий стать старшиной, подпайвает односельчан и особенно лиц влиятельных» (Вологодская губ.)⁴¹; задумавший стать старшиной угощает в праздники выборщиков и старост в большей части волости (Новгородская губ.)⁴². Зафиксирован и прямой подкуп деньгами: на волостном сходе в Тихвинском у. Новгородской губ. крестьянин давал выборщикам «15 рублей, чтобы избрали его»⁴³.

Итак, в конце XIX в. наряду с аксиологическим преобладанием такой формы богатства, как деньги – всеми признаваемой, но не всегда конкретно овеященной для крестьянского быта, не меньшую ценность имели и традици-

онные формы достатка – владение землей, хорошими постройками, скотом. Богатство и достаток, наряду с тем, что они осознавались в качестве важнейшего устремления, служили для крестьянина и наиболее значимым инструментом в укреплении его социально-психологической позиции в сельском обществе (референциальными признаками этого были

оказываемые ему уважение, почет). Фактор имущественного размежевания еще не привел к созданию классового антагонизма: все три категории крестьян – бедные, среднего достатка и богатые – образовывали единую соседскую общину. Разбогатение личности влекло за собой проявление новых этикетных форм уважения, подлинного либо мнимого.

¹ Потехин А.А. Этнографические очерки: Деревенские мироеды // Его же. Сочинения. – Т. 12. – СПб., 1905. – С. 203–205.

² Успенский Г. Полн. собр. соч. – Т. 4. – СПб., 1908. – С. 215, 216.

³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. – Т. 1. – СПб., 2000. – С. 527.

⁴ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического Бюро» князя В.Н. Тенишева. – Т. 1. СПб., 2004. – С. 343.

⁵ Там же. – Т. 7. 1. – СПб., 2011. – С. 402, 403.

⁶ Там же. – С. 567, 568.

⁷ Там же. – Т. 5. – Ч. 4. – СПб., 2008. – С. 194.

⁸ Там же.

⁹ Там же. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 251, 252.

¹⁰ Там же. – С. 384.

¹¹ Там же. – С. 508.

¹² Там же. – Т. 7. – Ч. 2. – С. 16.

¹³ Там же. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 360.

¹⁴ Там же. – Т. 1. – С. 129.

¹⁵ Там же. – Т. 1. – С. 427.

¹⁶ Там же. – Т. 5. – Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 244.

¹⁷ Там же. – Т. 7. – Ч. 1. – СПб., 2011. – С. 397.

¹⁸ Там же. – Т. 2. – Ч. 1. – СПб., 2006. – С. 154.

¹⁹ Там же. – Т. 5. – Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 296.

²⁰ Там же. – Т. 7. – Ч. 1. – СПб., 2011. – С. 397.

²¹ Там же. – Т. 3. – СПб., 2005. – С. 231.

²² Там же. – Т. 7. – Ч. 1. – С. 398.

²³ Там же. – Т. 7. – Ч. 2. – СПб., 2009. – С. 61.

²⁴ Там же. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 81.

²⁵ Там же. – Т. 2. – Ч. 1. – СПб., 2006. – С. 154.

²⁶ Там же. – Т. 3. – СПб., 2005. – С. 479.

²⁷ Там же. – С. 340.

²⁸ Там же. – Т. 5. – Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 591.

²⁹ Там же. – Т. 7. – Ч. 3. – СПб., 2009. – С. 82.

³⁰ Там же. – Т. 5. – Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 592; Там же. – Т. 3. – СПб., 2005. – С. 380 (Калужская губ.).

³¹ Там же. – Т. 5. – Ч. 2. – СПб., 2007. – С. 191; Там же. – Т. 7. – Ч. 2. – СПб., 2009. – С. 83.

³² Там же. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 427; Там же. – Т. 7. – Ч. 4. – СПб., 2011. – С. 82.

³³ Там же. – Т. 5. – Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 167.

³⁴ Там же. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 429.

³⁵ Там же. – Т. 7. – Ч. 2. – СПб., 2009. – С. 62.

³⁶ Там же. – Т. 7. – Ч. 2. – С. 318.

³⁷ Там же. – Т. 5. – Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 167.

³⁸ Там же. – Т. 4. – СПб., 2006. – С. 340.

³⁹ Там же. – Т. 7. – Ч. 3. – СПб., 2009. – С. 89.

⁴⁰ Там же. – Т. 5. – Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 296.

⁴¹ Там же. – С. 297.

⁴² Там же. – Т. 7. – Ч. 3. – СПб., 2009. – С. 84.

⁴³ Там же. – Т. 7. – Ч. 4. – СПб., 2011. – С. 247.